

Серов, Сергей | 31.08.2007

Иерусалимский марш. Христианские паломники на Празднике Кущей

[Сергей Серов](#)

Этот праздник

Есть такая дата в библейском календаре – Праздник Кущей. «Кущи», согласно Далю, – шалаши, навесы, временные лачуги. Что же это получается, праздник бомжей?

Оказывается, учреждён праздник Самим Господом Богом в воспоминание о временных жилищах древних евреев: «И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым... в куцах живите семь дней... чтобы знали роды ваши, что в куцах поселил Я сынов Израилевых, когда вывел их из земли Египетской» (Лев 23. 33, 42–43). И вот в середине осени в современном Израиле вырастают повсюду хлипкие палатки с крышами из веток. Беззащитные покровы напоминают о необходимости во всём полагаться на Бога. Сквозь пальмовые листья проглядывают звёзды – сквозь ненадёжные формы материального нужно видеть духовное.

Праздник Кущей (Суккот) – один из трёх великих ветхозаветных праздников. Его дата, так же, как и Пасхи (Песах) и Пятидесятницы (Шавуот), вычисляется по лунному календарю. В этом году праздничная неделя пришлась на 10–17 октября.

Суккот – «праздник урожая», собрав который, нужно не впадать в самодовольство, а обращать взор к Творцу, вспоминая, что мы зависимы от милосердия Божия, что всё, чего мы достигли – от Него. Ветхозаветный смысл весеннего праздника Пасхи состоит в памяти об исходе из египетского плена. Летний праздник Пятидесятницы – праздник созревания урожая и дарования Закона. Осенний Праздник Кущей – заключительный, он завершает цикл роста и возмужания народа Божия перед вступлением в Землю Обетованную.

Праздник Кущей называют ещё «праздником радости», глубокой и подлинной радости от осознания присутствия Всевышнего. Так же, как Пасха и Пятидесятница, Праздник Кущей – паломнический праздник, требующий входа в Иерусалим, «источник радости для всего мира», как сказал Псалмопевец. Празднование традиционно сопровождается шествиями, песнями,

плясками. Заповедь радоваться и веселиться в этот праздник упоминается в Библии трижды.

«Кущи» называют также «кущами мира», так что праздник символизирует мир. Суккот называют и «праздником человечности», самым открытым еврейским праздником, подчёркивая универсальное начало, проявляющее в его обрядах.

У Праздника Кущей много названий. Но самое ёмкое – просто «праздник» с определённым артиклем, то есть что-то вроде выражения «этот праздник».

Христианский смысл Пасхи и Пятидесятницы, вбирающий в себя ветхозаветную основу праздников, но покрывающий и преображающий её, хорошо известен. Есть ли такая же перспектива у третьего великого праздника?

Внимательные к Слову Божьему протестанты давно уже увидели в восстановлении Израиля исполнение пророчеств о приближающихся последних временах. Они верят, что именно на Праздник Кущей осуществится излияние Духа на народы и Второе пришествие Спасителя. Они организовали «Международное христианское посольство» и вот уже 23 года подряд приезжают на Праздник Кущей, чтобы совершить паломничество по Святой Земле, принять участие в праздничном шествии, чтобы в антисемитском мире выразить христианскую любовь к библейскому народу, который, как сказано, «весь спасётся». «...Не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей... Весь Израиль спасётся... В отношении к благовестию они враги ваши ради вас; а в отношении к избранию возлюбленные Божии ради отцов. Ибо дары и призвание Божие непреложны» (Рим 11. 25--29).

В этом году в Иерусалим приехало пять тысяч христиан из 65 стран мира! Впервые в «этом празднике» приняла участие большая группа паломников из России.

Нас было больше 30 человек: православные священники и миряне, известные общественные деятели и простые смертные, журналисты, поэты, художники. К Празднику Кущей был приурочен и «Иерусалимский саммит» – неправительственная конференция, цель которой – обсудить глобальные проблемы цивилизации не на песке изменчивых политических интересов, а на камне вечных духовных ценностей. На ней осуществляло «мозговой штурм» около ста пятидесяти «светлых голов» из разных стран мира: историки, культурологи, богословы, политологи. В рамках саммита проходил круглый стол «Ось добра: Россия – Израиль – США». Сергей Филатов, президент «Конгресса русской интеллигенции», философ Григорий Померанц, ещё кто-то из нашей группы принимали участие в «Иерусалимском саммите». Я там не был, моя голова к светлым не относится. Расскажу лишь о том, что видел собственными глазами.

На Святой Земле я уже бывал – около пяти лет назад¹. Тогда это были, в основном, греческие

монастыри, которые мы посещали с иеромонахом Иосифом Киперманом. Сейчас он служит в Греции², но на праздник тоже приехал в Иерусалим. На этот раз довелось побывать во многих других местах, увидеть, открыть новые пласты божественной земли.

Эйн-Карем

Автобус поднимается по серпантину узкой дороги – почти как в горах. Да так оно и есть: на южной окраине Иерусалима начинается евангельская «нагорная страна». Там, где теперь расположено местечко Эйн-Карем, проживали родственники Марии – Захария и Елизавета. Отсюда священник Захария отправился совершать службу в Иерусалимском храме. Сюда вернулся, поражённый немотой Архангелом Гавриилом, известившим о скором рождении младенца, Иоанна Предтечи. Сюда поспешила Дева Мария после Благовещения. С конца XIX века здесь существует русский женский монастырь, названный по месту расположения «Горненским»...

Вроде ещё не поздно, но на юге темнеет быстро, и тихий костёр заката как-то разом потух. Панорама золотого Иерусалима превратилась в россыпи угольков, уходящие за горизонт. Территория монастыря охватывает подковой францисканскую обитель с нежным названием «Целование». На месте дома Захарии и Елизаветы – пещерный храм Иоанна Предтечи. Но всё это где-то внизу, в наступившей темноте не видно ничего. Освещён лишь вход в узкий и длинный монастырский храм Казанской Божией Матери.

Внутри он выглядит как любой русский провинциальный храм, никаких признаков того, что стоит на Святой Земле. За «ящиком» практически такой же ассортимент, и даже на буклете про сам этот монастырь красуется знакомое клеймо: «Софрино». Покупаем иконки, ставим свечи, подаём записки «о здравии» и «о упокоении»...

Возвращаемся к автобусу, но по дороге замираем, захваченные фантастическим зрелищем. Из-за горы Сион поднимается круглая, колоссальных размеров луна. Все в восхищении – полном, как луна. Понятно, почему праздники исчисляются по лунным фазам: подобно Луне, мы можем духовно возрождаться после времени «ущербности».

Спускаемся вниз, в собственно посёлок Эйн-Карем. На углу узкой, почти деревенской улицы – дорожный указатель с надписями на английском, еврейском и арабском: «Русский Горный монастырь», «Институт библейских исследований», «Нотр дам де Сион»... Эйн-Карем – столица мира!

Одна из стрелок: «Источник Марии». Около него произошла встреча Богородицы с праведной Елизаветой. Святая вода, стекающая на каменный уступ, оказывается вкусной и прохладной, оторваться невозможно. Здесь Пресвятая Дева впервые услышала слова, повторяемые нами

две тысячи лет подряд: «Благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего!»

На север

Рано утром выезжаем через туннель, недавно прорубленный в Масличной горе. «Под небом голубым есть город золотой» – панорама сияющего Иерусалима остаётся сзади, справа Гефсиманский сад. А мы ныряем в каменную глубину и через несколько минут оказываемся в другом пространстве, в другом времени, вернее – в вечности. В грандиозной, непостижимой Иудейской пустыне. Величественные каменные громады уходят к горизонту. Нейл Армстронг сказал, что ему незачем было летать на Луну: то же самое можно увидеть здесь, в Израиле, в Иудейской пустыне.

Слева в долине зеленеет оазис древнего Иерихона. За ним находится Гора искушений, где я был раньше с отцом Иосифом. Теперь же мы опасно объезжаем Иерихон по огромной дуге. Это «территории» – слово, которое я даже и не слышал в прошлый раз. «Палестинская автономия», земли, ставшие три года назад, после возобновления интифады, зоной повышенного риска. Практически недоступными для паломников оказались все места служения отца Иосифа на Святой земле: и Хеврон с Дубом Маврийским, и Лавра Саввы Освященного, где мы были, и Поле Пастушков, где я жил в прошлый раз. Я гулял тогда по Бейт-Сахуру, посёлку на окраине Вифлеема, поражаясь изображениям Георгия Победоносца на воротах, на дверях многих домов. Так арабы-христиане гордо помечали свои дома. Зашёл в магазинчик – араб, узнав, что я с Поля Пастушков, заулыбался, прося передать поклон геронте Серафиму. Увы, старец Серафим скончался год назад. Интересно, где теперь тот торговец? Восемьдесят процентов арабов-христиан покинули вифлеемскую «территорию». Отец Иосиф, служивший Литургии по-арабски, мечтал тогда, чтобы вокруг Вифлеема образовалось маленькое православное государство – анклав арабов-христиан...

Доезжаем до границы с Иорданией, проходящей по Иордану, и долго едем вдоль реки строго на север. Дорога становится всё зеленее. Кибуцы – островки социализма в капиталистическом Израиле – создают райские сады на выжженной земле.

Вот и Генисаретское озеро (оно же – море Тивериадское, Галилейское, озеро Кинерет). Вокруг него – родные места Иисуса, места Его проповедей и чудес.

Гора Блаженств

Так называют место Нагорной проповеди. Вершина горы утопает в зелени деревьев, цепляющихся за землю переплетёнными корнями, вышедшими на поверхность. По пальмовым стволам снуют огромные ящерицы. В центре, на солнечном пятнышке, – изумительно пропорциональная Церковь Блаженств, главный храм францисканского монастыря.

Внутри, в идеальной полусфере купола – мозаика. Чистое, ровное золото – образ Царства Небесного, путь к которому – через заповеди блаженств. Храм окружён галереей, с которой открываются захватывающие виды на евангельские окрестности. Родные просторы Спасителя долго ещё будут питать душу благими воспоминаниями.

Под горой, на берегу Генисаретского озера, греческий православный монастырь – «всё травы и цветы, гуляют там животные невиданной красоты». Это ослик и множество... павлинов. Ну, просто «Белое солнце пустыни». У самой воды огромный храм Двенадцати Апостолов – корабль под алыми парусами куполов.

Иордан

В своём верхнем течении он впадает в Галилейское море, а затем вытекает из него и вновь впадает в Мёртвое море. Иисус принял крещение почти наверняка в нижнем Иордане, находящемся теперь за несколькими рядами колючей проволоки. Местом паломничества, живой иконой события стало другое место – вверху. Здесь выложены каменные террасы, ступенями оборудован спуск к воде.

Купание запрещено, разрешается только благоговейное погружение в воду в спецодежде – длинных белых рубахах, весьма недёшево продаваемых здесь же. Поначалу мы решили, что побудем зрителями. Вон группа протестантов сосредоточенно и радостно совершает таинство крещения, не обращая внимания на нас, любопытных. Но наш Александр Антонов, румяный, белобородый, похожий на Деда Мороза старообрядческий староста, восклицает: «Да как же это – побывать на Иордане и не омыть грехи?» – и решительно облачается в белые одежды. За ним потянулись и остальные. «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!».

У берега несметное количество разных рыб. Живая вода Иордана – зелёная, мягкая. Блаженство!

Табха

И в море Галилейском – озере Генисаретском – вода такая же нежная, только изумительно прозрачная. Вошли в неё по колено, побродили вдоль берега. Место это называется Табха, «семь источников». Здесь находятся сернистые источники, в одном из которых праведный Иов исцелился от всех своих недугов. Говорят, источники имеют повышенный уровень радиации, а вода там, где они впадают в озеро, насыщена микроэлементами. Ну, мы-то это сразу почувствовали – так не хотелось выходить из неё!

Это то самое место, где апостолы ловили рыбу, когда явился им воскресший Спаситель. И,

трижды спросив Петра о любви к Нему, соделал его главой христианской Церкви, пастырем Своих овец. Камень, за которым Иисус ужинал вместе с учениками, служит теперь алтарём крошечного собора святого Петра, выстроенного францисканцами из тёмно-серых базальтовых блоков. У камня – этого, можно сказать, фундамента католичества – табличка: «Стол Христа».

В Табхе Иисус совершил и чудо умножения хлебов и рыб. В IV веке здесь был византийский храм, в XIX – монахи-бенедиктинцы обнаружили его остатки и построили поверх них огромную церковь. В ней сохранены фрагменты мозаичного пола с изображением хлебов и рыб. В небольшой капелле с православной иконой наши батюшки дружно отслужили молебен.

Капернаум

Чуть дальше по берегу – Капернаум. Во времена Иисуса это был процветающий хозяйственный и культурный центр. Сюда Иисус переселился из Назарета, откуда Его изгнали. Здесь была синагога, в которой Иисус читал проповеди и в которой, взяв за руку тяжкоболящую дочь раввина, сказал: «Талифа-куми», «Девица, тебе говорю, встань»... Здесь, в синагоге, изгнал Он нечистого духа из одержимого, излечил раба центуриона. Здесь была мытница, место сбора податей, откуда был призван на апостольство мытарь Матфей. Здесь Иисус исцелил тещу апостола Петра. Воскрешение дочери Иаира – тоже здесь. Потому Капернаум и получил название «город Иисуса».

Однако и отсюда Спасителя изгоняют, и Он восклицает: «И ты, Капернаум, до неба вознёсшийся, до ада низвергнешься». И вот в VII веке поселение исчезает, заносится песком, затягивается илом.

В XIX веке францисканцы построили здесь монастырь. При его строительстве нашли остатки церкви, которую возвели первые христиане на месте дома апостола Петра. Обнаружили и руины синагоги, которая и теперь поражает своими размерами и роскошью коринфских колонн. Присаживаемся на каменные ступени, воображая себя обитателями древнего Капернаума. Но куда там – солнце палит нещадно.

Тель-Авив

На другой день отправляемся на северо-запад, к Средиземному морю. Мирная, цветущая страна! Просто невозможно представить, что 95% этой зелени (хочется с уважением повторить прописью: девяносто пять) – дело рук человеческих. Они подводят под каждую пальму орошающий каналчик или прикрывают каждый росток парничком, собирающим росу...

Тель-Авив – молодой, современный город, отстроенный в стиле «эконом-класс». Сбывшаяся мечта конструктивистов, «машина для жилья». Но социалистическим кошмаром не выглядит. Бедненько, но чистенько и со вкусом.

Чуть в стороне живописные кварталы Старой Яффы, древнего порта, названного по имени Яфета, сына Ноя. С Яффой связана история об Ионе и ките. Здесь разгружался ливанский кедр, ввозимый Соломоном для строительства Храма в Иерусалиме. Множество археологических раскопов, романтические узкие улочки.

Нас оставляют блаженствовать на пляже, он находится прямо в городе, тянется вдоль всех его набережных. За спиной высятся небоскрёбы Тель-Авива. Прямо над головой пролетают международные авиалайнеры. А здесь, перед нами, – необитаемый тропический курорт, невероятно широкая полоса чистого золотого песка, плавно уходящая в синее море. «Самое синее в мире» вовсе не Чёрное море...

Но – пора. Не успели отъехать – вот она, дискотека «Дельфинариум». Оказывается, наш рай был в двух шагах от ада. Мы наслаждались жизнью совсем рядом с тем страшным местом, где 1 июня 2001 года террорист взорвал себя, убив и искалечив несколько десятков детей. Это была детская дискотека, там собирались дети русских евреев. Террористы стремились запугать русскую общину, чтобы русские израильтяне бежали обратно, а российские евреи остались в России. Кто-то действительно не выдержал. Но большинство решило, что теперь уж точно, что бы ни случилось с Израилем, они не уедут из него никогда. Теперь они связаны с землёй отцов кровью детей. После теракта в «Дельфинариуме» и был создан Благотворительный фонд Михаила Черного, которому мы обязаны нашим паломничеством.

Латрун

На полпути от средиземного побережья к Иерусалиму расположен католический монастырь ордена траппистов. Аббатство Богородицы утопает в цветущих деревьях, от него открывается великолепный вид на панораму библейских земель. Сообщество братьев, пришедших из разных стран, являет собой образ содружества наций, молящегося о спасении мира.

Латрун знаменит своими виноградниками. В монастырском винном магазинчике глаза разбегаются. Но пожилой монах в коричневой рясе с капюшоном и верёвкой на поясе позволяет всё дегустировать. Трапписты – орден строго аскетизма восточного типа, орден тружеников и молчальников. Строгость ограничений относится к болтовне не по делу. Но мы – по делу, и я потихоньку разговорился с отцом Басилиусом. Он ливанец, ему 81 год, 56 из них он провёл в Латруне. У него светлое лицо – несмотря на то, что такое смуглое, добрый голос и сияющие глаза. «Ну, почему чужие монахи всегда такие радостные, а наши – такие суровые?» – спросил я у знакомого монаха, вернувшись в Москву. «Эти католики к земному привязаны», – разъяснил православный подвижник.

Мёртвое море

И ещё одно путешествие успели вместить эти короткие дни. Опять – через туннель к Иерихону. Но от него поворот не на север, к Галилейскому морю, а на юг, продолжая глубокое погружение в лунный рельеф Иудейской пустыни. На скалах вдоль дороги отметки: «– 150 метров», «– 200», «– 300»...

И вот оно, Мёртвое море, длинное, таинственное. На том берегу – Иордания, сиреневые туманные горы. Наш замечательный гид Борис (он из Питера, приехал в Израиль лет десять назад) показывает на них: «Мы шли по тем скалам, потом прошли вперёд и развернулись вон там, около Иерихона». Он говорит о древних евреях как о школьных товарищах с Васильевского острова. «Представляете, – жалуется он, – сорок лет ходили по землям, где есть всё: нефть, золото, бриллианты. Ходили, чтобы прийти на этот клочок пустыни, где Господь сказал: это – ваше».

Мёртвое море ниже «уровня моря» на 400 метров! Ниже нас сейчас никого на земле. Фавор, Сион, Храмовая гора... Рукой подать до Царства Небесного. И здесь же – пропасть, котловина, дно земного мира. Но высота связана с глубиной. Мёртвое море связано с другим морем-озером – Генисаретским (Галилейским) – рекой Иордан, где Иоанн Креститель призывал к покаянию. На Горе Блаженств Христос учил: «Блаженны нищие духом...» Стать «нищим духом» – поставить себя покаянием ниже всех, ниже уровня моря, всех мерок земного мира, стать алчущим правды, готовым принять Духа Святого в вакуум своей души.

Так что святы и горы, и впадины. Катафатический и апофатический ландшафт Святой Земли. Два типа богопознания. И вот парадоксы природы: вся эта низость, вода и грязь Мёртвого моря – уникально целебны, исключительно полезны. «Живая» и «мёртвая» вода из русских сказок! Не упускаем благой возможности втоптать себя в грязь, вымазываемся с ног до головы...

У самого Мёртвого моря – первохристианский Кумран. Дальше вдоль моря, на умопомрачительной вершине – легендарная крепость Масада. Страна подвижников, страна героев. В аскетических скалах пестреют пещеры. Сколько святых отцов подвизалось в Иудейской пустыне! Что тут скажешь? Чем больше являет Себя Бог в чудесах жизни и природы, тем больше открывает Свою непостижимость, трансцендентность миру, о которой можно не говорить, а лишь молчать. Огромные лиловые скалы в безмолвном величии уходят к горизонту. Вокруг Мёртвого моря мёртвая тишина.

Катастрофа

Вот уж никогда не думал, что современный музей способен произвести такое впечатление, пронзить душу. Поначалу предусмотренное программой посещение Музея Катастрофы, Яд-Вашем, воспринималось с некоторой досадой. На фотографиях в путеводителе – скучные бетонные коробки. Ну, Аллея праведников, вечный огонь, прости, Господи...

Октябрьское солнце печёт немилосердно. Совершенно разморённые, доходим до Детского мемориала. Ныржаем в его темноту и прохладу. Выходим – притихшие, потрясённые, в слезах. Внутри – минуты две-три, не больше. Один маленький зальчик. И в нём нет ничего, кроме шести свечек. Система невидимых зеркал полтора миллиона раз отражает их свет. Проходим друг за другом, держась за поручни, сквозь тёмное пространство, кажется, лишённое земного притяжения. Сквозь звёздное небо, сквозь души погибших детей – вверху, внизу, вокруг. Пространство постмодернистское, виртуальное. Но сердце замирает и переворачивается, и душа очищается совершенно реально, принимая благодать памяти смертной, про которую святые отцы говорили, что она нужна нам как хлеб.

В Холокост погибло полтора миллиона детей. Сегодня в Израиле нет ни одного детского дома. Нет здесь брошенных, беспризорных детей. Здесь вообще чужих детей не бывает.

Исторический музей мемориального комплекса. Другой способ укоренения в сердце смертной памяти – через документальные фотографии. Вот Варшавское гетто, где полмиллиона евреев были обречены гитлеровцами на вымирание от голода. Один немецкий офицер как-то объехал гетто с фотоаппаратом, снимая для развлечения всё подряд. Этот зал так и называется: «Один день Варшавского гетто». А вот что стало с гетто после безнадёжного героического восстания, поднятого его обитателями. Метафора «сровнять с землёй» воплощена буквально: далеко на горизонте кварталы Варшавы, а от них до переднего плана – ровный слой кирпичей.

Другая фотография, другая метафора: «море крови». Мостовые влажно мерцают сплошным тёмным блеском. Это Рига, старая добрая Рига, на улицах которой ещё до прихода немцев произошли кровавые еврейские погромы.

Наверное, эти люди, которые на фотографии гонятся с палками за евреями, были крещёными. Большинство фашистов тоже называли себя христианами, отмечали Рождество, Пасху... Несомненно, идеология нацизма по своей сути является сатанинской, антихристианской. Известно, что многие христиане отдали жизнь, спасая во время войны детей Израиля. Но многие не смогли, не решились или даже не захотели защитить евреев от нацистов (об этом с сожалением напомнил Папа Иоанн Павел II, возлагая венок на могилу жертв Холокоста во время своего визита в Святую Землю в 2000 г. – Ред.)

Но на Аллее праведников 18 тысяч вечнозелёных деревьев, каждое из которых посажено в честь одного из тех, кто с риском для жизни спасал евреев. Среди них – искупающие наш христианский позор францисканский священник из Ассизи, греческий епископ с острова

Закинтос, польская монахиня из Литвы, французский протестантский пастор.

«Долина уничтоженных общин» – гигантский лабиринт из огромных каменных блоков, на которых высечены названия городов и местечек, где гибли евреи. Вот и знакомые слова: «Бабий Яр», «Одесса», «Харьков»... Здесь и возлагаем венок, не сдерживая слёз. Батюшки поют «вечную память». Взволнованные слова произносят журналист Александр Нежный, поэт Кирилл Ковальджи, искусствовед Татьяна Макарова, протоиерей Валентин Чаплин, пятидесятник-миссионер Владимир Киселёв. А Татьяна Кузовлева читает своё стихотворение. Дата создания – сегодняшняя, 14 октября.

*Поверь, Иерусалим:
Была моя бы воля,
Губами бы сняла
С твоих камней слезу.
Здесь вертикаль любви
С горизонталью боли
Образовали крест,
И я его несу.
Я знаю. Хрупок мир
И вечность ненадежна,
И не точны слова,
И уязвима плоть.
Лишь истина одна
Светла и непреложна:
Одна у нас Земля,
Один у нас Господь.
Прости, Иерусалим,
Я вряд ли вновь здесь буду.
Но будут жечь меня
На северных ветрах
Жар полдня твоего,
Твоей ночи остуда
И за твоих детей
Неистребимый страх.*

«Иерусалим, город святой!»

Маршрут «Иерусалимского марша» начинается в саду «Сакер», расположенном в низине, куда стекаются тысячи паломников. Со всех сторон прибывают колонны с национальными флагами и табличками с названиями стран: Италия, Сингапур, США, Эстония, Япония, Португалия... И тут оказывается, что группа под табличкой «Россия» совсем не такая большая, как казалось. Из одной только Бразилии приехало четыреста человек. Повсюду братское общение, знакомства. А вон и тот рыжебородый финский пастор, который крестил свой народ в водах Иордана. Грохочут африканские барабаны. Зажигают южноамериканские танцы. Поют псалмы. «Хвалите Господа все народы! Благословляйте Его, все племена! Ибо велика милость Его к нам, и истина Господня пребудет вовеки».

Никогда в жизни не ходил на демонстрации, разве что в детстве. Но «Иерусалимский марш» – не демонстрация, хотя в руках у нас флаги и транспаранты. Это нечто большее. Наша общая молитва – о той земле, по которой проходит шествие, о том, чтобы Всевышний защитил жителей этого города от всякого зла. Наше переживание за них, наше деятельное сочувствие, наше общее покаяние в смертном грехе антисемитизма...

Многотысячная колонна выходит из сада, поднимается в гору и оказывается на одной из центральных улиц. Как-то ещё нас воспримут местные жители? После Яд Вашем мне стыдно смотреть им в глаза.

Впереди идёт, кажется, Малайзия, за нами Ирландия. Наша группа теряется между красочно экипированными, шумными делегациями и кажется теперь совсем крошечной. Нас просто никто не успеет заметить. И вдруг со всех сторон обрушивается: «Russia!», «Россия!», «Welcome, Russia!». И совсем неожиданное, пронзительное: «Russia, thank you!», «Спасибо, что приехали!». «Спасибо, спасибо!» – скандируют слева и справа до самых Яффских ворот.

«Что мне сказать? Я весь исполнен радости, я в восторге, ликую, восхищённый; я совершенно упоён духовным веселием. О чём говорить? Об усердии ли города? О радости ли всего народа? Поистине прилично теперь спросить: кто изречёт могущество Господа, возвестит все хвалы Его?». Это Иоанн Златоуст. Он точно выразил чувства каждого.

Нас приветствуют ветераны Отечественной войны – в советских мундирах, с орденами. Над городом пролетают вертолёты. На крышах домов видны солдаты израильской армии: с угрозами терактов здесь не шутят. А ближайшие наши защитники – пожилые мужчины и женщины в полицейской форме. Ветераны израильской полиции, добровольно вышедшие на охрану марша. У всех радостные, светлые лица, такие же, как у молоденьких солдат, которые всю неделю дежурят в вестибюле нашего отеля.

Вечером, в огромном «Дворце наций» – праздничный концерт. На заднике сцены вид ночного Иерусалима с полной луной, как будто кто-то подсмотрел наши впечатления в первый день. В зале те же хоругви, что были на марше. Торжественная часть вечера неожиданно оказывается посвящённой России. Она состоит из приветствий в адрес нашей делегации и яркого выступления отца Иосифа. А дальше – сплошное ликование, музыка, пляски. Праздник Кущей – праздник радости.

Заключительным аккордом ко всей этой поездке звучит многотысячное, долго не смолкающее в зале и не стихающее теперь в душе: «Алилуйя!»

2. Истина и жизнь № 11-12, 2002.

Впервые опубликовано: Журнал «Истина и Жизнь», 2003, № 12
